

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

СТУДЕНЧЕСКАЯ И УЧАЩАЯСЯ МОЛОДЕЖЬ В РЕВОЛЮЦИИ 1905–1907 гг.

ТЕБИЕВ Борис Каз-Гиреевич – д-р пед. наук, д-р экон. наук, проф., проректор. E-mail: tebievbk@yandex.ru

Московский региональный социально-экономический институт

Адрес: 142701, Московская область, г. Видное, ул. Школьная, д. 55а, корп. 1

Аннотация. На основе архивных материалов и литературных источников рассматриваются вопросы участия студенческой и учащейся молодёжи в событиях Первой русской революции 1905–1907 гг. В центре исследования – процессы становления и развития студенческого и ученического самоуправления, изменение характера требований молодёжи в области государственного и академического устройства, предложения относительно демократизации системы образования.

Ключевые слова: революция 1905–1907 гг., выступления студентов и учащихся России, демократизация образования, образовательная политика самодержавия

Для цитирования: Тебиев Б.К. Студенческая и учащаяся молодёжь в революции 1905–1907 гг. // Высшее образование в России. 2017. № 2 (209). С. 157–168.

В постсоветские годы события Первой русской революции (1905–1907), к сожалению, не привлекают к себе существенного внимания исследователей и популяризаторов истории, несмотря на то, что её проблематика далеко не исчерпана. В частности, слабо изученным остаётся влияние революционной эпохи на студенческую и учащуюся молодёжь, на её гражданскую позицию и жизненный сценарий, участие в политической борьбе и общественно-педагогическом движении. Педагог и врач Н.И. Пирогов называл молодёжь «барометром общества», революционер Л.Д. Троцкий – «барометром революции». И оба были правы.

Обратимся к событиям 110-летней давности. Вслед за шквалом революционных выступлений пролетариата, последовавшим за «Кровавым воскресеньем» 9 января 1905 г., неудержимо двигался поток выступлений и протестов демократической интеллигенции, хотя и не столь мощный и организованный, но также представлявший для самодержавия серьёзную опасность.

Ядро демократической интеллигенции, её наиболее динамичную часть составляла студенческая и учащаяся молодёжь, движимая горячим стремлением обновить Родину, ввести в стране самый усовершенствованный государственный строй. Покорность правительственному курсу сохраняли немногие.

Хроника революционных событий донесла многочисленные факты неповиновения воспитанников высшей и средней школы не только учебной администрации, но и государственной власти и её представителям на местах. Крупные размеры приняли студенческие выступления в Петербурге, Москве, Киеве, Харькове и других университетских городах. Студенчество активно подхватило призыв социал-демократов о проведении всеобщей студенческой политической стачки. В течение месяца, прошедшего после январских событий в Петербурге, решение о прекращении занятий и участии в стачке приняли студенты почти всех высших учебных заведений страны, кроме слушателей военных академий и привиле-

гированных учебных заведений типа Александровского лицея и Училища правоведения в Петербурге, Катковского лицея в Москве, Восточного института во Владивостоке.

С заявлениями о поддержке петербургских рабочих, стремлении прекратить учебные занятия и организовать ученические стачки выступили воспитанники многих средних учебных заведений страны. Отмечая масштабы этих выступлений, газета «Вперед» писала 15 февраля 1915 г., что учащиеся присоединяют свой голос к общему требованию свободы всюду – «от Петербурга до Кутаиса и от Варшавы до Томска». Выражая солидарность с рабочими северной столицы и других пролетарских центров, вступившими в борьбу за свои права, студенческая и учащаяся молодёжь в своих политических протестах требовала прежде всего установления в России демократической республики. В замене монархического строя демократическим и конституционным наиболее сознательная часть студенчества и учащихся видела реальный путь оздоровления академической жизни, демократизации всей системы народного образования.

В центре академических требований студенчества стоял вопрос об автономии высшей школы и отмене реакционного университетского устава 1884 г. Студенты требовали также отмены полицейского надзора за высшей школой, удаления наиболее реакционных профессоров и преподавателей, обогащения содержания вузовского образования на основе новейших достижений отечественной и зарубежной научной мысли.

Среди требований, выдвинутых учащимися средней школы, находились вопросы коренного изменения школьного режима. Так, забастовавшие 4 февраля 1905 г. гимназисты Петербурга потребовали исключения из учебной программы латинского языка, невмешательства школьного начальства в домашнюю жизнь учеников, отмены су-

ществующей системы наказаний, вежливого обращения со стороны педагогического персонала, отмены определённых часов, назначенных для гуляния во внеклассное время, свободного посещения театров, концертных вечеров, библиотек, общественных читален, свободы совещаний в стенах учебных заведений. Учащиеся гимназий Тифлиса выставили требования заменить директоров и учителей, зарекомендовавших себя верноподданничеством, ввести обязательное обучение грузинскому и армянскому языкам, учредить товарищеские суды. Пафос борьбы с изживавшей себя монархической властью, охвативший молодёжь тех лет, с документальной точностью передал в своих воспоминаниях Осип Манделштам: «Мальчики девятьсот пятого года шли в революцию с тем же чувством, с каким Николенька Ростов шел в гусары: то был вопрос влюбленности и чести. И тем, и другим казалось невозможным жить не согретыми славой своего века» [1, с.248].

Весной 1905 г. в целом ряде средних учебных заведений страны явочным порядком был введен институт выборных старост, первоначально выполнявших роль представителей учащихся в решении конфликтных ситуаций с учебной администрацией. Осенью институт старост начал действовать практически во всех средних учебных заведениях. Из представителей старостатов формировались городские советы старост, которые иногда именовали себя «Советами ученических депутатов» [2, с. 160]. Создание демократической системы ученического самоуправления как внутри учебных заведений, так и в масштабах городов, позволяло учащимся более целенаправленно и настойчиво отстаивать свои права, проводить в жизнь идеи обновления внутреннего строя учебных заведений, добиваться изменения содержания образования. По требованию ученических сходок и старостатов в педагогические советы учебных заведений вводились представители учащихся и родительской общественности,

получавшие право решающего голоса по всем вопросам внутришкольной жизни. Важную роль играли ученические органы самоуправления в борьбе со стремлением консервативно настроенной школьной администрации погасить волну ученических выступлений путём прекращения занятий и закрытия учебных заведений на «неопределённый срок».

Важным фактором демократизации высших учебных заведений стало студенческое самоуправление, получившее к осени 1905 г. законченное структурное оформление. Вернувшись в сентябре в стены своего учебного заведения после почти шестимесячной всероссийской студенческой стачки, студенты Императорского Московского университета на сходке приняли решение о создании Центрального университетского органа (ЦУО). В специальном положении о ЦУО отмечалось, что такой орган необходим как для нормирования внутренней жизни студенчества, так и для представительства университета в его сношениях с другими корпорациями и организациями. В первый состав ЦУО вошли 26 делегатов, выбранных по одному от каждого курса со всех факультетов. На ЦУО лежало посредничество между студентами и советом профессоров, приискание занятий нуждавшимся студентам, организация товарищеского суда, сбор денежных средств в пользу освободительного движения, сбор сведений о полицейских репрессиях против студентов и материальная поддержка арестованных. Общеуниверситетская сходка делегировала ЦУО право распоряжаться университетскими помещениями и участвовать в выработке внутреннего распорядка в университете. Высшей инстанцией для ЦУО объявлялось общее собрание студентов Московского университета [3, л. 232-234 об.]. Как свидетельствуют архивные документы, одновременно с Центральным университетским органом был создан Коалиционный совет Московского университета – межпартийный центр, объе-

динивший представителей студенческих революционных организаций. В состав первого Коалиционного совета университета вошли четыре социал-демократа, два эсера, два представителя университетского органа [3]. После выхода в свет царского Манифеста 17 октября 1905 г. среди студентов университета произошло резкое политическое размежевание, что значительно повысило роль Центрального университетского органа в организации внутренней жизни студенчества. Анализ документов в фондах Московского охранного отделения свидетельствует о том, что в результате активной борьбы студентов социал-демократов университетский орган стал организатором революционного воспитания студенчества, пользовался в его среде непререкаемым авторитетом. По инициативе ЦУО в университете был проведен ряд политических сходок и собраний, принимавших резолюции в поддержку русского пролетариата и крестьянства, организовывался сбор средств в пользу политических заключенных и ссыльных, подверглись бойкоту реакционно настроенные профессора: Кассо, Самоквасов, Синецын, Тарасов. Студенты социал-демократы сумели сохранить свое влияние в ЦУО и в период спада революции. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что из 31 члена ЦУО, избранного в ноябре 1906 г., 12 человек являлись социал-демократами. Меньшее число мест получили студенческие фракции партии народной свободы (кадеты) – восемь, партии эсеров – семь, трудовой народной социалистической партии – два места [3, л. 279].

Таким образом, в ходе революции 1905–1907 гг. были выработаны организационные формы и принципы ученического и студенческого самоуправления. Они основывались на идеях демократизма и политического плюрализма. Восстав против академического режима, представлявшего собой худшую копию всей социально-политической системы самодержавной власти,

учащиеся и студенты встали на путь выработки самостоятельных органов, которые успешно решали многие вопросы внутришкольной и внутривузовской жизни, регулировали взаимоотношения с учебной администрацией, педагогическими советами и родительскими комитетами, способствовали формированию у подростков и молодёжи гражданской жизненной позиции, собственного политического опыта.

Массовый подъём социальной активности учащейся и студенческой молодёжи застал врасплох учебную администрацию. Отчаянно пытаясь спасти старый школьный режим, она металась между применением суровых репрессий и попытками мелких уступок. Стоявший во главе Министерства народного просвещения с апреля 1904 г. генерал-лейтенант В.Г. Глазов с первых дней революции пытался сбить проникшую в школу революционную волну серией репрессивных акций. От чиновников министерства, попечителей учебных округов, местной учебной администрации он требовал карательных мер. Любые либеральные колебания, нерешительные действия расценивались как предательство государственных интересов и измена трону. Когда, например, попечителем Казанского учебного округа было принято решение начать разбирательство причин массовой забастовки учащихся и студентов Казани, министр отменил это решение и предписал попечителю немедленно, без всякого разбирательства уволить виновных. Однако карательные меры не только не способствовали «умиротворению» учебных заведений, но и вызывали новые волны протеста. Министерство оказалось буквально завалено рапортами и телеграммами с мест, в которых сообщалось о новых и новых выступлениях учащихся, студентов, учителей.

Выступления учащейся и студенческой молодёжи, педагогов вызывали у представителей царской администрации, всего монархического лагеря не меньший испуг и растерянность, чем выступления рабочих и

брожения среди крестьянства. Особенно сильное впечатление произвела многотысячная студенческая сходка 7 февраля 1905 г. в Петербурге. Примечательна запись, сделанная на следующий день после сходки в дневнике одного из видных монархистов, близкого к Министерству народного просвещения графа А.А. Бобринского. Фиксируя «ужасающие рассказы» о сходке, на которой был публично уничтожен портрет царя и раздавались требования конституции, Бобринский писал: «На сходке были приват-доценты, женщины-курсистки, корреспонденты иностранных газет, переодетые ученики других заведений и до 3 тысяч студентов. Решено бастовать впредь до конституции... Полиция и жандармерия открыто заявляют о своем бессилии, и все идёт быстрыми шагами к черту, при абсолютном бессилии и апатии правительства» [4, с. 131]. 10 февраля 1905 г. Глазов представил министру внутренних дел подробный доклад о положении дел в учебных заведениях. Пытаясь спасти честь мундира, Глазов стремился переложить всю вину за создавшуюся ситуацию на охранительные органы, не принимавшие, по его мнению, решительных мер для подавления забастовочного движения на предприятиях и тем самым способствовавшие беспорядкам в учебных заведениях. Этот документ положил начало длительным распрям между двумя ведомствами и ещё дальше уводил Министерство народного просвещения от понимания подлинных причин «взрыва» учебных заведений.

В то же время в правительственной среде звучали голоса, более трезво оценивавшие положение дел, стремившиеся повернуть верховную власть на путь уступок и реформаторства. В записке на имя Николая II от 31 января 1905 г. министр земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолов, приводя «наиболее яркие и тревожные признаки дезорганизации во всех сферах русской жизни», отмечал: «Ваше-

му величеству известно, что все высшие учебные заведения в настоящее время повсеместно в России закрыты, и возобновление занятий в них при настоящих условиях немислимо. В аудитории пришлось бы вводить уж не полицию, как это иногда практиковалось прежде, хотя и безуспешно, но роты вооруженных солдат, что также не достигнет цели, так как ни один профессор под охраной штыков читать лекции не согласится, да и не будет иметь слушателей. <...> В настоящее время волнения проникают уже в средние учебные заведения, часть которых тоже закрыта, а в других для подавления беспорядков вызывались войска и прибегалось к стрельбе против гимназистов. <...> Никакими насильственными мерами, никакими полицейскими воздействиями достигнуть умиротворения учебных заведений и установления в них занятий нельзя, а наоборот, можно вызвать только ещё большую смуту, ещё более страшные столкновения и вывести учащихся на путь активной борьбы и сопротивления власти, тогда как эта борьба с их стороны еще только пассивная. Восстановиться же нормальная жизнь учебных заведений может лишь с общим успокоением страны» [5, с. 59, 60.].

Отсутствие в правительственном стане единства мнений о путях и средствах восстановления в стенах учебных заведений гражданского мира вынудило правительство прибегнуть к выработке коллегиальных подходов и решений. Вопрос «о студенческих беспорядках» стал предметом рассмотрения в особом совещании, созванном по распоряжению царя весной 1905 г. Участниками совещания, в числе которых находились министры и председатели департаментов Государственного совета, был подготовлен документ «О мерах, вызванных прекращением занятий в высших учебных заведениях». 16 апреля он был утвержден Николаем II и получил силу законодательного акта. Расписавшись в бессилии восстановить до конца полугодия прерван-

ное в начале года в высших учебных заведениях «правильное течение учебной жизни», правительство предписывало учебной администрации не производить экзамены участвовавших в волнениях студентов и считать их оставленными на следующий год на тех курсах, на которых они числились. Объявлялось также о закрытии всех вспомогательных для студентов учреждений: общежитий, столовых, библиотек. В документе содержалось предупреждение о том, что учебные заведения, в которых с началом осеннего семестра произойдут аналогичные нарушения хода учебных занятий, будут немедленно закрыты «с увольнением всего наличного состава студентов и с увольнением профессорского персонала от занимаемых оным в учебных заведениях должностей». Ультимативный тон документа вызвал негодование как среди студенчества, так и среди вузовской профессуры, а дальнейшее развитие революционных событий в стране выявило полную неспособность высшей администрации предвидеть ход политической борьбы и понимать природу студенческого движения.

Активное участие студенческой и учащейся молодёжи в революционных событиях лета 1905 г. стало предвестником новых трудностей и осложнений, грозивших с начала учебного года не только учебному ведомству, но и всей самодержавной системе. Для корректировки правительственной линии в студенческом вопросе 11 августа было созвано новое представительное совещание с участием министров и руководителей департаментов. Министр народного просвещения В.Г. Глазов как «главный ответчик по существу вопроса» по-прежнему с завидным упорством отстаивал идею применения к участникам волнений полицейской силы и призывал не останавливаться на пути репрессий даже перед всеобщим увольнением студентов и профессоров. Главным оппонентом потерявшего чувство реальности министра выступил, как это на первый взгляд ни парадоксально, шеф рос-

сийской полиции, товарищ министра внутренних дел генерал Д.Ф. Трепов. «Высшая школа, – говорил он, – не улица, где полиция является начальством, следя за тем, чтобы никто не позволял себе нарушения благочиния и порядка. В стенах каждого учреждения поддержание порядка – дело хозяина, которым признаются соответственные ведомственные власти. Расширять сферу действий полиции значит уничтожать и без того расшатанный авторитет учебного управления. Увольнение профессоров? Хорошо было бы, если бы их можно было заменить другими. А то впоследствии придется обратиться к тем же лицам. Лучшие элементы, оскорблённые такой расправой, на службу не вернуться. Останутся лишь худшие, с которыми правительство само не будет знать, что делать».

Трепов предложил участникам совещания пойти в обратном направлении – способствовать воссозданию в высших учебных заведениях самостоятельного авторитетного руководства, то есть восстановить попорченную в период реакции 1880-х гг. университетскую автономию. «Существующие уставы высших учебных заведений, – говорил он, – как неопровержимо доказали события последнего времени, несостоятельны и должны быть изменены... Следовало бы теперь же издать временные правила, коими предоставлялось бы советам высших учебных заведений право внутреннего распорядка академической жизни и дело устройства студенчества на началах самостоятельности и ответственности за порядок». Предложение Трепова было поддержано большинством участников совещания, в том числе министром юстиции С.С. Манухиным, главным управляющим землеустройством и земледелием П.Х. Шванебахом, министром финансов В.Н. Коковцовым [6, с. 115, 116].

Итогом совещания явились обнародованные 27 августа 1905 г. «Временные правила об управлении высшими учебными заведениями», дававшие им определенную

автономию: право выбирать ректора, деканов, профессоров, проводить студенческие собрания. Несмотря на ограниченный характер университетской автономии (правительство оставляло за собой право утверждения избранных должностных лиц, сохраняло в высшей школе институт инспекторов – педелей), она явилась важным демократическим завоеванием, способствовала либерализации внутреннего строя высшей школы, гражданскому воспитанию студенчества. Не случайно в период реакции правительство обрушило один из своих главных ударов именно на университетскую автономию и сделало все возможное, чтобы лишить высшую школу этого завоевания.

Работая с первых дней революции в режиме «пожарной команды», министерство Глазова так и не смогло выработать приемлемых мер для наведения элементарного порядка в подведомственных ему средних и низших учебных заведениях. Для того чтобы хоть как-то удержаться на плаву, весной 1905 г. учебное ведомство разработало очередной проект «коренной» школьной реформы. Он предусматривал организацию пятилетних «подготовительных школ», объединявших курс начального трехгодичного обучения с двумя первыми классами средних учебных заведений и призванных служить первой ступенью среднего образования. Вторая ступень проектировалась в виде шестилетней гимназической надстройки с разделением на три ветви (трифуркация): классическую, латино-реальную и реальную. Возникавшая таким образом преемственность между низшей и средней школами, а также вариативность выбора профиля обучения могли стать определенным шагом вперед к демократизации системы образования и отвести от министерства обвинения в бездеятельности, игнорировании требований общественности. Однако не получив одобрения «сверху», проект так и остался нереализованным.

Провести в жизнь удавалось лишь мел-

кие мероприятия, направленные преимущественно на ограждение от революционного влияния привилегированных учебных заведений. Так, 13 июня 1905 г. было высочайше утверждено внесенное министерством в Государственный совет мнение «О служебных правах должностных лиц дворянских пансионеров-приютов, утвержденных на основании закона 25-го мая 1899 г.». Если раньше эти приюты находились в ведении директоров учебных заведений, на базе которых они создавались, то отныне во главе приютов должны были находиться собственные директора, избираемые собранием предводителей и депутатов дворянства соответствующих губерний. Расширились права и льготы воспитателей дворянских пансионеров-приютов. Директорам присваивались «V класс по должности, V разряд по шитью на мундире и право на пенсию по учебной службе». Назначение и увольнение с должности директора должно было осуществляться высочайшим приказом по ведомству Министерства народного просвещения.

Нельзя не сказать еще об одном любопытном документе. В целях стимулирования деятельности государственных чиновников, сохранивших в условиях революционного лихолетья верность «престолу и отечеству», 9 апреля 1905 г. был подписан высочайший указ капитулу орденов, упрощавший процедуру представления к награждению орденами Св. Владимира и Св. Анны, жалуемыми по статутам «за выслугу узаконенных сроков, и к знаку отличия беспорочной службы». По ведомству Министерства народного просвещения новый порядок представления к награждению вводился в первую очередь – с 1 июля 1905 г.

Подъем революционного движения в стране осенью 1905 г. вынудил царизм пойти на уступки восставшему народу. Опубликованный 17 октября Манифест Николая II «Об усовершенствовании государственного порядка», «даровавший» народу некоторые гражданские свободы, наряду

с Манифестом от 6 августа «Об учреждении Государственной думы», стал практическим шагом на пути превращения романовской монархии из сословной в буржуазную. Одновременно произошла реорганизация некоторых органов государственного управления, было объявлено об отставке наиболее реакционных министров.

Обновленный Совет министров возглавил сторонник либерального реформаторства С.Ю. Витте. В числе прочих свои посты покинули обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев и министр народного просвещения В.Г. Глазов. Преемник на пост обер-прокурора Синода нашелся быстро. Им стал великосветский титулованный либерал князь А.Д. Оболенский. Подходящую кандидатуру на пост министра народного просвещения пришлось искать в течение нескольких недель. После отказа известных либеральных деятелей А.Ф. Кони и Е.Н. Трубецкого занять этот пост С.Ю. Витте с согласия царя предложил его другому либеральному деятелю – вице-президенту Академии художеств, археологу и нумизмату графу И.И. Толстому.

Приступив в ноябре 1905 г. к обязанностям министра народного просвещения, Толстой предпринял отчаянную попытку спасти школу от окончательного краха, либерализовать её внутренний строй в духе новых конституционных порядков. Выгодно отличаясь от своих предшественников европейской образованностью, широтой умственных интересов, Толстой, тем не менее, оставался человеком своего времени и своего круга, убежденным сторонником самобытности русской нации и неизблемости монархических основ российской государственности. Одним из первых документов, выработанных под руководством нового министра, явилась представленная в Совет министров записка с изложением первоочередных нужд российской школы. В документе подчеркивалась необходимость возможно более скорого решения вопросов о введении в стране всеобщей

го обязательного начального образования, о реформе средней школы, о разработке нового университетского устава, о перестройке преподавания в национальных школах империи.

По настоянию Толстого и при поддержке Витте проблемы народного образования только в течение ноября 1905 г. трижды обсуждались в Совете министров. На заседаниях 11 и 13 ноября Совет министров счёл возможным положительно отнестись к некоторым предложениям министра народного просвещения, в частности, предоставить попечителям учебных округов на основании ходатайств советов средних учебных заведений право разрешать местному учебному начальству отступать от действующих правил и циркуляров, регламентирующих внутренний распорядок в учебных заведениях, разрешить создание при средних учебных заведениях родительских комитетов с правом представительства в попечительских и хозяйственных советах, признать необязательным ношение учащимися форменной одежды в свободное от школьных занятий время и т.д.. Отметив, что своими средствами правительство «не может удовлетворить всё более и более растущую потребность в среднем образовании», Совет министров поддержал предложение Толстого о необходимости государственного содействия частной и общественной инициативе в деле открытия средних учебных заведений.

16 ноября 1905 г. составленный на основе предложений министра народного просвещения всеподданнейший доклад был утвержден Николаем II за исключением пункта, который признавал необязательным ношение учащимися за пределами школы форменной одежды. По всей видимости, царь опасался, что эта мера ослабит контроль за поведением учащихся на улице и в общественных местах. Однако уже 17 ноября при личной аудиенции Толстой сумел уговорить Николая II «всемиловитейше» утвердить и этот пункт, разъяснив, «что

отмена формы вне школы предполагается не ради поощрения разнузданности учащихся, а как необходимая и то не везде, а лишь в некоторых местностях, мера предосторожности от могущих произойти несчастий». После издания Манифеста 17 октября газеты пестрели сообщениями о расправах черносотенцев над студентами и гимназистами, и либеральный министр не преминул использовать этот довод в разговоре с монархом.

Стремясь успокоить «взбаламученное море средней школы», министерство Толстого приняло ряд косметических мер по либерализации школьного режима. Во многих средних учебных заведениях прекратились слежка за учащимися и применение к ним физических наказаний, был ослаблен контроль учебной администрации за внеклассным чтением и участием воспитанников в религиозных отправлениях. 22 декабря был принят циркуляр об освобождении от выпускных экзаменов по греческому языку экстернов и выпускников тех классических гимназий, где греческий язык преподавался в 5–7-х классах как необязательный. 24 декабря были отменены обязательные выписки из кондуитов. 9 января 1906 г. последовало разрешение освобождать по усмотрению учебной администрации от обязательного посещения занятий в гимназиях и реальных училищах тех учащихся, родители которых заявляли о расстройстве их здоровья вследствие нервного возбуждения «текущими событиями». Во время многочисленных встреч с представителями учебной администрации и депутациями от учащихся и родителей министр информировал их о планах учебного ведомства приступить к разработке реформы среднего образования в стране. Первым и, по сути дела, единственным шагом министерства Толстого в этом направлении стало составление «Свода заявлений учащихся в средних учебных заведениях и родителей их о желательных изменениях в строе современной средней школы».

Однако наряду с мерами либерализации строя средней школы министерство Толстого не гнушалось и карательными акциями. Оставаясь верным слугой престола, либеральный министр проявлял твёрдость и последовательность, когда ставился вопрос о «высших», с его точки зрения, государственных интересах. Характерным штрихом к портрету министра-либерала является отражённый в его воспоминаниях эпизод, происходивший, по всей видимости, в декабре 1905 г. Во время приёма одной из родительских депутатий её представитель обратился к министру с заявлением: не принимать никаких репрессий по отношению к учителям и к учащимся; не издавать никаких циркуляров и не делать никаких обязательных распоряжений; не вводить никаких изменений в строй школы до созыва Учредительного собрания; руководствоваться в своих отношениях к средней школе общественным мнением. Эти слова «вывели из себя» всегда сохранявшего хладнокровие Толстого. «...Потеряв самообладание, – признавался он, – я прочёл депутатии лекцию о том, что я пока являюсь слугой правительства, а не революционных комитетов, что я готов выслушать всякие разумные советы, но прошу меня не считать слугою революции и не приходить ко мне с требованиями помочь революционировать школы». Действительно, идеи «революционирования» и демократизации школы, как и всей общественной жизни, были глубоко чужды родовитому представителю российской аристократии. Это наглядно проявилось, например, в подписанном министром 9 января 1906 г. (в день годовщины «Кровавого воскресенья») циркуляре «О мерах, могущих обеспечить правильный ход занятий в средних учебных заведениях». Главную помеху на пути «к правильному течению школьной жизни» министр видел «в образовании среди учеников организаций с избранными старостами, делегатами и т. п.». Циркуляр предписывал педагогическим советам учебных за-

ведений «принять все меры для устранения ученических сходок и проявлений деятельности организаций, вовлекающих учащихся в политическую деятельность и отвлекающих их от занятий».

Активную борьбу вело «либеральное» министерство с педагогами, стремившимися внести в жизнь средней школы даже малейшие элементы демократизма. В декабре 1905 г. Толстой санкционировал, например, увольнение со службы и отдачу под суд «за нарушение необходимой в учебных заведениях дисциплины, порицание и недоверие к учебному начальству, посягательство на изменение установленного законом строя училища» и другие должностные проступки группы педагогов 1-го Петербургского реального училища. Им было предъявлено обвинение сразу по трем статьям Уложения о наказаниях. Вся вина учителей состояла в том, что на заседании педагогического совета 25 октября 1905 г. они выразили недоверие директору учебного заведения Пашковскому, допускавшему бесконтрольное растратирование училищных денег, и инспектору Массальскому, известному полицейскими расправами с учениками, а также стремились установить педагогические контакты с родителями и сочувственно относились к идее ученического самоуправления [7, с. 57].

Наряду с проблемами «умиротворения» средней школы министерство Толстого в немалой степени занимали вопросы наведения порядка в высших учебных заведениях. Студенческие «беспорядки» раздражали царя и его ближайшее окружение в не меньшей степени, чем выступления рабочих. «В университетах происходило Бог знает что! – писал Николай II 19 октября 1905 г. находившейся за границей матери, информируя её о событиях в стране, предшествовавших принятию Манифеста 17 октября. – С улицы приходил всякий люд, говорилась там всякая мерзость и – всё это терпелось! Советы политехникумов и университетов, получившие автономию, не зна-

ли и не умели ею воспользоваться. Они даже не могли запереть входы от дерзкой толпы и, конечно, жаловались на полицию, что она им не помогает... Тошно стало читать агентские телеграммы, только и были сведения о забастовках в учебных заведениях, аптеках и пр., об убийствах городских, казаков и солдат, о разных беспорядках, волнениях и возмущениях. А господа министры, как мокрые курицы, собирались и рассуждали о том, как сделать объединение всех министерств, вместо того, чтобы действовать решительно» [8, с. 167].

Угождая монарху, министры-либералы стремились «действовать решительно», не теми грубыми методами, как их предшественники, но в том же направлении. Не составлял исключения и Толстой. Проявляя все тот же показательный либерализм, что и в отношении к средней школе, он стремился расположить к себе студенчество и профессуру, посещая университетские собрания и принимая у себя депутации от высших учебных заведений, издавая циркуляры, вносящие незначительные коррективы в академическую жизнь. В числе прочих мер министерство расширило доступ в университеты выпускникам реальных училищ, духовных семинарий и некоторых других средних учебных заведений, отменило введенное министерством Г.Э. Зенгера прикрепление выпускников гимназий к университетам соответствующих учебных округов, разрешило «в ряду исключительных обстоятельств времени» допускать к испытательным экзаменам студентов, не имевших выпускных свидетельств, но выдержавших полукурсовые испытания с зачетом полученных при этом отметок.

На основании всеподданнейшего доклада от 3 декабря 1905 г. министерство добилося права собственной властью разрешать учреждение в стране частных курсов по общеобразовательным и профессиональным предметам с программами, превышающими по объему знаний средние учебные заведения. На этом основании было разре-

шено открытие медицинского отделения при Московских высших женских курсах, курсов по биологическим, педагогическим и общественным наукам при Петербургской биологической лаборатории и некоторых других подобных учебных заведений, в том числе курсов по юридическим, экономическим, историческим, социальным, физико-математическим и коммерческим наукам, учрежденных американским гражданином Б. Гарднером с целью культурного сближения России и США.

Самым значительным предприятием полугодового правления Толстого в Министерстве народного просвещения стала разработка проектов новых уставов для различных типов высших учебных заведений. Убедившись в невозможности взять за основу новых уставов проекты, разработанные незадолго до издания «Временных правил» министерством В.Г. Глазова (разосланные в советы высших учебных заведений Министерства народного просвещения, они практически отовсюду получили отрицательные отзывы), Толстой распорядился о созыве специальных совещаний (комиссий) по созданию иных, в большей степени отвечающих духу времени и принципам автономии уставов высшей школы. В состав совещаний, работавших под председательством самого министра, кроме ректоров университетов и директоров прочих высших учебных заведений, вошли 84 профессора, избранных сюда советами высших учебных заведений. В привлечении к составлению проектов новых уставов свободно избранных представителей профессуры либеральное министерство усматривало «самый действенный источник к обновлению строя высшей школы и установлению столь желательного согласия профессорской среды с центральными управлениями» [9, л. 4].

К марту 1906 г. работа над уставами была в основном завершена. Для придания большей весомости своему предприятию Толстой направил для заключения веду-

щим университетским деятелям крупных европейских стран переведённый на иностранные языки проект университетского устава. Министерство намеревалось внести проекты уставов высших учебных заведений осенью 1906 г. на обсуждение в Государственную думу.

Однако осуществиться благим намерениям либерального министра не было суждено. Царизм вовсе не желал узаконивать «дарованную» высшей школе на основе «Временных правил» автономию и тем более подкреплять её новыми уставами, которые предусматривали равные условия приема в университеты выпускников всех типов средних учебных заведений, отмену процентной нормы приема в университеты евреев, предоставление права на высшее университетское образование женщинам, введение предметной системы преподавания вместо курсовой, отмену служебных привилегий, связанных с университетским дипломом, и другие либеральные нововведения. В условиях ослабления революционного натиска и консолидации правых сил игра в либеральные преобразования близилась к завершению. Проекты либерализации высшей школы были торпедированы Советом министров, а затем и окончательно потоплены в мутном потоке нахлынувшей реакции.

Однако уроки революции не прошли бесследно. Обретённый в её дни опыт политической социализации позволял студенчеству и учащейся молодёжи более объективно понять сущность политического строя монархической России, оценить смысл практических мер правительства в

области народного образования, прийти к мысли о необходимости не только разрушения старых порядков, но и создания новой школы, основанной на принципах демократии, гуманизма, дающей полноценное научное образование и крылья для жизненного полета.

Литература

1. *Мец А.Г.* Осип Манделъштам и его время: анализ текстов. Изд. 2. СПб.: Интернет-издание, 2011.
2. *Вигдоров А.Г.* Движение учащихся средних школ в период первой русской революции и столыпинской реакции // Ученые записки Московского городского пединститута им. В.П. Потемкина. Т. 92. Вып. 2. М., 1958.
3. Дело по наблюдению за учащимися и студентами г. Москвы // Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ), ф. 63, оп. 1905, д. 26, т. 1.
4. Дневник А.А. Бобринского (1910–1911 гг.) // Красный архив. 1928. № 1 (26).
5. Записки Д.С. Ермолова // Красный архив. 1925. № 1 (8).
6. *Сперанский Н.* Кризис русской школы: Торжество политической реакции. Крушение университетов. М., 1914.
7. Г.Р. Кто сеет смуту по ведомству народного просвещения // Вестник воспитания. 1906. № 1.
8. Переписка Николая II и Марии Федоровны (1905–1906 гг.) // Красный архив. 1927. № 3 (22).
9. Справка о деятельности МНП при бывшем министре гр. И.И. Толстом // РГИА, ф. 733, оп. 228, д. 62.

Статья поступила в редакцию 12.11.16.

STUDENTS AND STUDYING YOUTH IN THE REVOLUTION OF 1905–1907

TEBIEV Boris K. – Dr. Sci. (Pedagogy), Dr. Sci. (Economics), Prof., e-mail: tebievbk@yandex.ru

Moscow Regional Social and Economic Institute

Address: Shkol'naya str., 55a, build. 1, Vidnoe, 142701, Moscow Region, Russian Federation

Abstract. On the basis of archival materials and literature sources the article addresses the participation of students in the events of the First Russian revolution of 1905–1907. The study focuses on the problems of formation and development of students' and pupils' self-government, the essence of the demands of the youth in the area of public and academic arrangement, democratization of the education system. Owing to the experience in the sphere of political socialization, the Russian students could comprehend the essence of the monarchical system of Russia, evaluate the educational doctrine of the autocracy and the practical measures of the state in the sphere of public education and come to the idea of creation of a new school based on the principles of democracy and humanism.

Keywords: Revolution of 1905–1907, students' and pupils' performances, democratization of education, educational policy of the autocracy

Cite as: Tebiev, B.K. (2017). [Students and Studying Youth in the Revolution of 1905–1907]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia]. No. 2 (209), pp. 157–168. (In Russ., abstract in Eng.)

References

1. Mets, A.G. (2011). *Osip Mandelshtam i ego vremya: analiz tekstov* [Osip Mandelstam and His Time: Analysis of Texts. Ed. 2.] St. Petersburg: The online edition. 480 p. (In Russ.)
2. Vigdorov, A.G. (1958). *Dvizhenie uchashchikhsya srednikh shkol v period pervoy russkoy revolyutsii i stolypinskoy reaktsii* [Students of Secondary Schools During the First Russian Revolution and the Stolypin Reaction]. *Proc. of the Moscow City Pedagogical Institute V. P. Potemkin*. Moscow: Vol. 92. Issue 2, pp. 157–186. (In Russ.)
3. *Delo po nablyudeniyu za uchashchimisya i studentami g. Moskvy* [The Case for Monitoring Students Pupils and Students of Moscow]. *State Archive of the Russian Federation* (hereafter GARF), f. 63, op. 1905, d. 26, t. 1, pp. 232–234. (In Russ.)
4. Bobrinsky, A.A. (1928). [Diary of A.A. Bobrinsky (1910–1911)]. *Krasnyi arkhiv*. [Red Archive]. No. 1 (26), pp. 127–150. (In Russ.)
5. Ermolov A.S. (1925) [Notes of A. S. Ermolov]. *Krasnyi arkhiv*. [Red Archive]. No. 1 (8), pp. 49–69. (In Russ.)
6. Speransky, N. (1914). *Krizis russkoy shkoly: Torzbestvo politicheskoi reaktsii. Krushenie universitetov*. [The Crisis of the Russian School: The Triumph of Political Reaction. The Collapse of the Universities]. Moscow, 271 p. (In Russ.)
7. G. R. (1906) [Who Sows Discord on the Department of National Education]. *Vestnik vospitaniya*. [Journal of Education]. No. 1, pp. 55–64. (In Russ.)
8. Nicholas II. (1927). [Correspondence of Nicholas II and Maria Feodorovna (1905–1906)]. *Krasnyi arkhiv*. [Red Archive]. No. 3 (22), pp. 153–209. (In Russ.)
9. *Spravka o deyatelnosti MNP pri byvshe ministre gr. I.I. Tolstom*. [Reference on the Activities of MNEs under the Former Minister of Count I.I. Tolstoy]. St. Petersburg. RGIA, f. 733, op. 228, d. 62. (In Russ.)

The paper was submitted 12.11.16.

